

Цуй Мин-дэ смягчила выражение лица, приняла бокал, отпила глоток и поставила его обратно. Я, опасаясь, что она обидится, поспешила осушить свою чашу до дна. Я всегда была слаба к вину, и даже сегодняшний легкий плодовой напиток после двух бокалов вызвал у меня лёгкое головокружение. Я уже собиралась вернуться на место, как вдруг заметила, как Дугу Шао приподняла бровь и с усмешкой произнесла: «Выходит, Цуй Вторая играла музыку небожителей, а мой танец был суетным и земным. Мой пляс осквернил её мелодию. Приношу свои извинения».

В самый разгар лютых морозов у меня на лбу выступил пот. Я замялась и пробормотала: «Танец Шилюнян тоже, разумеется, неземной. Просто... у меня нет достойного подарка... Шилюнян, ты любишь клинки? У меня есть короткий меч, украшенный семью драгоценностями, ещё не заточенный. Прими его в дар».

Вэй Хуань вдруг громко кашлянула. Я опешила и лишь тогда осознала, что вновь наговорила глупостей — ведь седло, которое мне только что подарила Дугу Шао, тоже было инкрустировано семью драгоценностями. Подарить ей в ответ меч с таким же убранством значило бы показать, будто я не желаю оставаться в долгу. Но слова уже сорвались с языка, и взять их обратно было невозможно. Мне оставалось лишь смущённо улыбнуться. К счастью, Дугу Шао оказалась весьма тактичной и с весёлой улыбкой ответила: «Оружие — моя страсть с детства. Благодарю принцессу за щедрый дар». С этими словами она, подобно мужчине, сложила руки в приветственном жесте и направилась на своё место. Цуй Мин-дэ также бесстрастно вернулась к своему столу. Я облегчённо вздохнула и с некоторой неловкостью взглянула на Вэй Хуань. Та, улучив момент, когда никто не смотрел, показала мне выражение, ясно говорившее: «Я же предупреждала». Затем она вновь приняла почтительный вид с подносом в руках и последовала за мной. Её лукавая, двуличная мина почему-то вызвала у меня странное щемящее чувство внутри, и мысли вновь обратились к очертаниям груди Вэй Хуань — интересно, через несколько лет, повзрослев, сможет ли она сравниться с Дугу Шао?

Не знаю, было ли это из-за вина, но в голове начало слегка плыть. Казалось, будто на темя мне водрузили тяжелейшее украшение, которое так и клонило голову то в одну, то в другую сторону. Попытки выпрямиться лишь усиливали крен. В конце концов, мне пришлось упереться локтями в столешницу, чтобы как-то удержаться. Всё тело горело, словно меня засунули в пароварку, как какой-нибудь пампушок. Боясь, что гости, заметив моё состояние, решат завершить пир, я громко объявила: «С вином покончено! Давайте сыграем в цуцзюй!» — и специально подмигнула Дугу Шао:

— Я приготовила приз! — По моему знаку евнухи внесли сто связок монет.

Большинство присутствующих были людьми состоятельными, и простая цифра в сто связок сама по себе их бы не впечатлила. Но я велела приготовить совершенно новые, полновесные монеты, нанизанные на алые шнуры и уложенные в плетёные корзины. Аккуратные стопки сверкали, и зрелище это действительно было впечатляющим.

Пэй Ланьшэн какое-то время молча смотрела на деньги, а затем с серьёзным видом обратилась ко мне: «Это всего лишь игра в женских покоях, сто связок — сумма непомерная. К тому же, использовать деньги в качестве заклада во время пиршества — дурной тон. Умоляю принцессу выбрать что-нибудь иное в качестве награды».

Дугу Шао возразила: «Неправа ты, Ланьшэн. Любая вещь из дворцовых хранилищ может стоить и больше ста связок. Да и потом, мы разделимся на две команды. Если одна победит, как разделить единственный приз? Кому он достанется? Деньги куда практичнее — каждый возьмёт свою долю и купит, что пожелает. Разве не лучше?»

Я улыбнулась: «Честно говоря, я и сама не хотела использовать деньги. Но, покидая столицу, я не взяла с собой ничего особо ценного. Обычные призы могли бы показаться вам недостойными, вот я и решилась на эту меру. Да и монеты эти не простые — нового чекана, с узором из звёзд и луны на обороте. Хотя и не редкость, но всё же диковинка. Проигравшие тоже получают деньги, только старыми монетами».

Услышав это, все умолкли. Я велела принести цветной кожаный мяч для цуцзюй, медленно поднялась и, обретя равновесие, вновь улыбнулась собравшимся: «Цуй Эрнян и Дугу Шилюнян — лучшие игроки среди нас. Не сделать ли их капитанами?»

Возражений не последовало. К тому же все уже привыкли делиться на свои кружки, так что вскоре вокруг Дугу Шао и Цуй Мин-дэ выстроились группы. Девушки из семьи Фан немного поколебались, но встали на сторону Цуй Мин-дэ. Вэй Хуань, Пэй Ланьшэн и я задержались в центре. Мне хотелось, чтобы Вэй Хуань пошла со мной к Цуй Мин-дэ, но в той команде не хватало лишь одного человека. С Дугу Шао я была не слишком близка, и мне не улыбалось оказаться в её команде. Пока я пребывала в нерешительности, Вэй Хуань подтолкнула меня: «Пусть Эрнян и А-Пэй идут к Шилюнян, а я присоединюсь к Цуй Эрнян».

Так я невольно оказалась в команде Дугу Шао, всё ещё оглядываясь на Вэй Хуань. Та, увидев меня рядом с собой, радостно ухватила меня за руку и потащила переодеваться.

И лишь когда все уже переоделись, подобрали волосы и вышли на поле, во мне начало потихоньку зреть недовольство на Вэй Хуань. Я стояла в стороне, чувствуя лёгкое опьянение, и уставилась на неё. Как только игра началась, я тут же устремила к ней, схватила за руку и спросила: «Почему ты не со мной?»

Шум был таким, что Вэй Хуань не расслышала моих слов. Она лишь улыбнулась, подмигнула и, ловко вывернувшись, рванула прочь, к Дугу Шао.

Мяч для цуцзюй был не похож на футбольный, он скорее напоминал волан. Игроки не вели его, а подбивали ногами на бегу. Вэй Хуань была сильна в конном поло, но с цуцзюй у неё получалось неважно. Несколько раз она пыталась перехватить мяч, но безуспешно, и с весёлым смехом присоединилась к толпе, заседавшей на Дугу Шао.

Дугу Шао, видя, что все облепили её, ловко подбросила мяч ногой из-за спины, отправив его подальше, к Пэй Ланьшэн. Та в цуцзюй разбиралась куда лучше, чем в поло, и, подбивая мяч, побежала вперёд, но Цуй Мин-дэ и Цуй Шуньдэ вдвоём отобрали его у неё.

Дугу Шао вырвалась из толпы и помчалась к Цуй Мин-дэ. Вэй Хуань и остальные бросились следом за мячом. Я же, во-первых, была пьяновата, а во-вторых, злилась на Вэй Хуань за её поступок, так что отстала и побрела краем поля. Там, в центре, все смеялись, толкали друг друга, тайком дёргали за одежду — это походило больше на шумный праздник, чем на состязание. Кто-то кого-то толкнул, и упавшая, смеясь, уселась на мяч, приговаривая: «Убейте меня, но мяча не отдам!» Остальные принялись щекотать её и вырывать мяч. Её подруги бросились на защиту, но тоже начали щекотать нападавших. Поскольку сегодня играли просто для забавы и специальной формы у команд не было, в суматохе кто-то перепутал своих с чужими, а кто-то и вовсе воспользовался неразберихой, чтобы похулиганить. Вскоре поле превратилось в хаос — несколько десятков человек сбились в кучу, гоняясь, щекоча и толкаясь, позабыв о мяче напрочь.

Я во все глаза смотрела, как Вэй Хуань юлила в этой толпе, то тут кого-то задевая, то там пощекотав, взбаламучивая воду в одном месте и перебегая в другое, а когда там поднимался

переполох, незаметно пробиралась к противникам. И в конце концов, именно ей удалось выкрасть мяч! Она даже не стала его пинать, а просто схватила руками и бросилась бежать к воротам. Увидев меня на пути, она попыталась резко свернуть, чтобы обойти, но я ни за что не хотела уступать. Из всех сил я бросилась на неё, но не рассчитала и чуть не рухнула на землю. Вэй Хуань, проворная, успела подхватить меня, выпустив мяч из рук. Она рванула меня на себя и с силой упала на спину, а я сверху — на неё. Я услышала её сдавленный стон. Лицо её побелело, на лбу мгновенно выступил пот, но она всё ещё улыбалась, подталкивая меня: «Говорила же — ешь поменьше, а то разъелась».

Мои руки оказались зажаты между нашими телами, предплечья легли ей на грудь. Под тонкой тканью явственно проступали лёгкие выпуклости. Непроизвольно я вновь вспомнила свой утренний вопрос, а затем и тот день в горячем источнике, когда видела её полуобнажённой. Внутри всё заныло и загорелось, руки ослабели, и я вся прижалась к ней. Моё лицо оказалось рядом с её лицом, так близко, что почти соприкасались тонкие волоски на щеках, но кожи мы не касались.

Вэй Хуань болезненно крикнула, и смех исчез из её голоса. Сквозь зубы она процедила: «Не придавливай, вставай».

Когда она говорила, её лицо будто бы приближалось, и я почему-то ждала этого прикосновения. Но одно лишь ожидание, без самого касания, вызвало в душе разочарование. В отчаянии я повернула голову, и от щеки до носа и губ — всё скользнуло по её лицу. Её щека была тёплой, румяной, словно только что сорванный спелый персик. Меня охватило неудержимое желание укунить её, но я тут же прогнала эту мысль. Уперевшись руками в землю, я попыталась переставить ногу, задев при этом её ногу, отчего она снова крикнула. Я замерла в испуге: «Я тебя придавила?»

Вэй Хуань закатила глаза и зло прошипела: «Вставай!»

<http://bllate.org/book/16278/1466102>